

Человек в маске с явным пренебрежением принял от Е Сяои шесть лянов серебра.

Отсчитав пять лянов лодочнику, он ступил на Остатки снега на Сломанном мосту и холодно усмехнулся:

— Вот видишь, остался всего один лян. И с такими грошами ты надеешься напроситься ко мне в ученики?

Е Сяои разочарованно цокнул языком. Плата за право подняться на мост в этот морозный вечер и впрямь оказалась грабительской. Но унывать он не собирался. Напустив на себя как можно более простодушный вид, юноша заговорил:

— Учитель, пусть на улице стужа, зато сердца наши горячи! Этот скромный лян согрет моим теплом, он весит больше, чем иное чужое золото. Прошу, примите меня! Ваш ученик клянётся почитать вас превыше всего и заботиться о вас изо всех сил!

Незнакомец заложил руки за спину и надменно процедил:

— Сперва хорошенько подумай. Коли станешь моим учеником, тебе навек заказан путь к другим мастерам. И слушаться меня придётся беспрекословно: если я наложу запрет на что-то, ты и шагу ступить не посмеешь. Справишься ли?

«Вот оно как?» — призадумался Е Сяои.

Но хитрость быстро взяла верх, и он с лёгкостью пообещал:

— Ручаюсь! Если вы обучите меня искусству игры на цине, я и не взгляну на других учителей. И впредь буду послушен во всём, что не противоречит законам неба и долгу чести.

Само собой, скрытый смысл его слов был прост: «Коли ничему не выучишь, я волен уйти, и винить меня будет не в чем». Что же касается «законов неба и долга чести» — границы тут и вовсе размыты. Всё, что шло вразрез с личной выгодой Е Сяои, вполне подпадало под это определение.

Юноша дал согласие без тени колебания.

Мо Юэ торжествующе улыбнулся под тонкой вуалью.

«Глупый мальчишка... Ты сам напросился ко мне в ученики. На аркане тебя никто не тащил,

язык за зубами не держал — сам во всём признался и обет дал».

— Помни же своё слово, — глухо отозвался человек в маске.

Только после этого он соизволил приступить к первому уроку.

Так Е Сяои наивно радовался, что за жалкий серебряный лян заполучил в наставники непризнанного гения. Ему и в голову не приходило, что он сам, добровольно, шагнул в расставленный капкан и подставил шею под невидимые оковы, заботливо приготовленные Мо Юэ.

Когда лодка причалила к берегу, Мо Юэ первым сошёл на мостки.

На плечах Е Сяои красовалась тяжёлая, подбитая лисьим мехом накидка. Длинный подол путался в ногах, мешая подняться. Стоило юноше ухватиться за край плаща, чтобы не наступить на него, как наставник протянул ему руку.

Вскинув взгляд на возвышавшегося над ним человека в белом одеянии, Е Сяои уверенно вложил руку в его ладонь. Тот единым лёгким движением увлёк его за собой на Остатки снега на Сломанном мосту. Юноша не упустил случая польстить:

— Благодарю, учитель!

Мо Юэ вновь едва заметно усмехнулся под маской, однако вслух ничего не сказал, напустив на себя привычную суровость. Не выпуская чужой руки, он повёл юношу к уединённой беседке.

Стоило им войти внутрь павильона, укрытого плотными занавесями от ветра и согретого жаровнями, как Е Сяои в очередной раз поймал себя на мысли, что решительно не понимает логики древних. Сначала они заваливают озеро глыбами льда, заставляя воду исходить морозным паром ради красивой картинки, а затем разводят огонь в беседке, чтобы не окоченеть. Спрашивается, куда девать лишнее серебро?

С чего вдруг этот взбалмошный Цзи Тянь упрямо настаивал на уроках именно здесь, среди вечных льдов Остатков снега на Сломанном мосту? Атмосфера, видите ли, особенная? К чему все эти рассказы о том, что лишь в экстремальной стуже рождается совершенная музыка? Будучи человеком приземлённым, Е Сяои подобных изысков не ценил.

Когда человек в белом достал шёлковую ленту и потянулся к лицу юноши, тот инстинктивно отпрянул:

— Учитель, это ещё зачем?

— Твоя природная чуткость оставляет желать лучшего, — отрезал наставник холодным тоном.
— Так мы пробудим твою интуицию и разовьём слух. Учиться будешь или передумал?

— Буду, буду! Связывайте, учитель! — поспешно согласился Е Сяои, про себя поразившись проницательности мастера. Сразу попал в самое больное место.

Главная его беда крылась как раз в неумении различать тончайшие оттенки звуков. Если загадочный музыкант с ходу распознал этот изъян, значит, выбор в его пользу был сделан не зря.

Наставник аккуратно завязал шёлковую ленту на его глазах, а затем, обхватив за талию, властно усадил спиной к себе, почти вплотную. Е Сяои попытался было отстраниться, но хриплый голос строго приказал:

— Сиди смирно. Я буду направлять твои руки сзади.

Делать было нечего, пришлось покориться.

Лишённый зрения, юноша улавливал каждое прикосновение обострившимися чувствами. Наставник мягко, один за другим, распрямил его напряжённые ладони. Затем он полностью накрыл его ладони своими, увлекая к струнам циня.

Раздался тихий, хриловатый шёпот прямо над ухом:

— Большинство новичков бездумно копируют движения наставника. Они заучивают, куда прижимать пальцы, и на этом успокаиваются. Но в этом нет истинного искусства. С самого начала они тренируют лишь зрение, что уводит их далеко в сторону от подлинного Пути циня. Пусть их техника будет безупречной, музыка останется бездушной. В ней нет «сердца» — лишь сухой расчёт.

Мо Юэ с удовольствием воспользовался моментом, чтобы мимоходом разнести в пух и прах бездарную манеру игры Е Фантяня, после чего продолжил наставлять ученика:

— Душа музыки раскрывается через слух. Мир полнится тысячами голосов: кваканьем лягушек, стрекотом цикад, человеческой речью. Но почему человек, понимая себе подобных, глух к языку природы?

Ослеплённый повязкой Е Сяои невольно спросил:

— И почему же?

Стараясь говорить проще, Мо Юэ привёл наглядное сравнение:

— Дело не в различиях между людьми и зверями. Если слушать всем сердцем, рано или поздно начнёшь понимать любой язык. Дитя, возвращённое волками, переймёт их вой. Обыватель за всю жизнь не отличит одного цыплёнка от другого, в то время как птичник знает каждую особь в своём загоне.

Слыша столь «приземлённые» доводы, Е Сяои тихо хмыкнул. Слог таинственного незнакомца до боли напоминал манеру Мо Юэ — тот тоже обожал прибегать к простым житейским метафорам.

Заметив, что едва не выдал себя, Мо Юэ поспешил напустить строгости и прикрикнул:

— Почтение! Будь серьёзнее!

Юноша тут же прикусил язык.

— Музыкант обязан прочувствовать природу каждого звука, лишь тогда мелодия обретёт силу, — вещал Мо Юэ. — Те, кто полагается лишь на глаза, никогда не добьются чистоты звучания. Толпа может рукоплескать их фальшивой ловкости, но для мастера это будет не более чем какофония. Вот почему твоя игра в тот день показалась мне сущей пыткой. Посредственность способна обмануть лишь неискушённую чернь. Но истинное звучание ведёт безмолвный диалог с душой слушателя, будь то человек или бессловесная тварь. Вспомни предание о Не Чжэне, чья игра заставляла прохожих замирать, а коней и быков — прекращать щипать траву. Коли решил перенять моё мастерство, забудь о спешке. Постигание звука требует великого терпения. Ежели духу не хватает — скажи сразу, чтобы я не тратил на тебя время понапрасну.

«Ух, какой высокомерный!» — мысленно подивился юноша.

Будучи не в силах видеть собеседника, Е Сяои лишь усердно закивал головой:

— Да-да, учитель, как скажете. Я никуда не тороплюсь и буду во всём следовать вашим наставлениям. Сделаю всё в точности, как велите.

Ну разве не идеальный ученик?

Мо Юэ довольно улыбнулся. Сняв мешавшую маску, он склонился к самому плечу Е Сяои и негромко произнёс:

— Первое правило: не смей снимать повязку. Забудь о зрении. Направь всё внимание внутрь себя и полагайся лишь на слух. Окружающий нас холод усыпил природу, здесь царит абсолютный покой. Нет ни шелеста трав, ни голосов птиц — только голос твоего инструмента. Твоя задача на эту ночь — уловить тончайшие переходы между звуками каждой струны.

С этими словами Мо Юэ бережно взял пальцы юноши, заставляя их поочерёдно касаться

струн, и принялся медленно разучивать с ним незатейливую детскую песенку, построенную всего на трёх тонах древней гаммы — гун, шан и цзюэ.

Направляемый чужой рукой, Е Сяои вновь и вновь ощупывал три струны от начала до конца, задевая каждую отметку-хуэй на деревянной деке. К своему удивлению, он действительно уловил разницу в колебаниях натянутого шёлка. Ему даже удалось запомнить несколько более чистых, звонких нот.

Звуки, рождавшиеся у изголовья инструмента, звенели высоко и чисто, а те, что извлекались ближе к выжженному хвосту циня — цзяовэю, уходили в густые, едва различимые низы.

Мо Юэ терпеливо вёл его сквозь простые созвучия детской песенки, контролируя малейшее движение, покуда пальцы ученика не запомнили верное положение и не обрели уверенность.

Время от времени он спрашивал:

— Ну как, чувствуешь, попал ли в тон?

Бесконечные повторения принесли плоды: даже такой заядлый «медведь на ухо наступил», как Е Сяои, начал различать едва уловимые нюансы.

— Немного фальшивлю. Позвольте, я попробую ещё раз.

Наставник ослабил хватку, позволяя ему действовать самостоятельно. После череды неудачных попыток воздух наконец огласил безупречно чистый звук, и Е Сяои радостно воскликнул:

— Он самый! Ведь верно? Мой слух меня не подвёл?

Не видя лица наставника, юноша уловил лишь одобрительный хриплый смешок у самого уха:

— Сгодится. Но нос задирать рано. А теперь попробуй отыскать остальные созвучия, что успел запомнить.

Позабыв обо всём на свете, Е Сяои полностью погрузился в царство чистых звуков, крупица за крупицей развивая музыкальное чутьё. На поверку оказалось, что ледяное безмолвие озера творит чудеса. Прежде абсолютно глухой к музыке юноша мало-помалу учился различать тона, казавшиеся ему ранее неотличимыми. Результат превзошёл все самые смелые ожидания.

«Этот мастер — истинный кудесник», — ликовал про себя юноша, убеждаясь, что не прогадал, доверившись загадочному незнакомцу с его обещаниями непременного успеха.

Когда бледная луна поднялась к самому зениту, человек в белом осторожно потянул за край повязки, освобождая глаза ученика от плена шёлка.

— На сегодня довольно. Продолжим завтра.

Взглянув на небосвод, Е Сяои обомлел. Луна и впрямь стояла прямо над головой. Проклятье, неужели близится полночь? Время пролетело совершенно незаметно.

— Учитель, — смущённо качнул головой юноша. — Полночь — это слишком поздно. Могу ли я приходить пораньше? Мне ведь ещё готовиться к экзаменам, режим нарушать нельзя.

— И какое же время тебя устроит? — недовольно поинтересовался наставник.

— Пожалуй, на закате. Как раз закончу с каллиграфией на сегодня и сразу к вам.

Смерив его досадливым взглядом, словно говорящим «какой же ты хлопотный малый», мужчина махнул рукой:

— Ладно, пусть будет закат. Ступай уже.

Когда юноша спускался с мостков, наставник придержал его за локоть. Только тогда Е Сяои ощутил, насколько ледяными были пальцы Цзи Тяня. Заметив, что мастер одет лишь в тонкое шёлковое платье, он торопливо распахнул свою тяжёлую накидку на лисьем меху, собираясь вернуть её хозяину:

— Учитель, возьмите. Мне до дома рукой подать, а вы совсем замёрзли.

Однако мужчина упрямо запахнул мех обратно на плечах юноши и резко прикрикнул:

— Оставь на себе! Не хватало ещё, чтобы ты подхватил простуду и пропустил завтрашнее занятие. Коли заболеешь — больше можешь не приходить!

Нагретый за вечер мех дарил блаженное тепло, и стоило Е Сяои приоткрыть его, как ледяной ветер тут же заставил его содрогнуться. «Даже мне в этой шубе холодно, как же тогда терпит этот упрямец Цзи Тянь со своей гордостью?» — обеспокоенно подумал он.

Недолго думая, юноша потянул край широкого плаща на себя и набросил его на плечи наставника:

— Тогда разделим его на двоих, идёт? Руки у вас совсем окоченели, а для музыканта пальцы — самое ценное. Нельзя их студить.

Так они и плыли вдвоём в лодке, укрывшись одной меховой накидкой. Над ними сияла холодная россыпь звёзд и бледный серп луны, а внизу зыбилась подёрнутая дымкой ледяная гладь озера.

Молчание затягивалось, становясь неловким. Е Сяои честно пытался завязать беседу, но нелюдимый Цзи Тянь лишь равнодушно отмалчивался, пресекая любые попытки сблизиться.

Мо Юэ вовсе не стремился казаться бессердечным сухарём. Он прекрасно понимал: начини он болтать попусту, этот смышлёный малый мигом уличит его во лжи и распутает весь клубок. Не держи он глухую оборону, Е Сяои давно бы сел ему на шею и при первом удобном случае сорвал ненавистную маску.

И как тогда оправдываться? Сказать, что его корабль давно ушёл, а сам он остался в столице? Или вывалить на голову мальчишки известие о грядущем мятеже? Подставлять под удар влиятельное семейство Е было недопустимо. Мо Юэ твёрдо решил уберечь юношу от дворцовых интриг. Мечта этого ребёнка — сдать государственные экзамены и удостоиться звания чжуанюаня — была столь чиста и прекрасна, что вмешивать его в грязную борьбу за власть казалось кощунством.

Когда лодка пришвартовалась, Е Сяои тепло распрощался со странным музыкантом, пообещав встретиться завтра.

Однако человек в белом упрямо последовал за ним:

— Я провожу тебя до ворот. Ступай домой и ложись спать, да гляди у меня, без глупостей по дороге.

Делать нечего, Е Сяои, точно малое дитя, безропотно позволил вести себя за руку до самого порога.

Но даже оказавшись в спальне, юноша не избавился от опеки. Цзи Тянь упрямо уселся на стул у стены, намереваясь уйти лишь тогда, когда ученик укроется одеялом.

«Кто бы мог подумать, что этот грозный мастер окажется столь заботливым и дотошным», — с улыбкой подумал Е Сяои. Забравшись под тёплое стёганое одеяло, он повернулся к своему необычному наставнику:

— Учитель, я засыпаю. Возвращайтесь и вы к себе, выспитесь хорошенько.

Цзи Тянь лишь удобнее устроился на стуле.

— Закрывай глаза, — раздался его глуховатый голос из темноты. — Как уснёшь — уйду. Знаю я тебя, стоит отвернуться, как ты снова примешься за свои каверзы.

<http://bllate.org/book/18182/1759231>